

К68
КР 1377752

Вологодская областная детская библиотека
Информационно-библиографический отдел

ВИКТОР КОРОТАЕВ - Человек,
Поэт, Личность!
(Материал к поэтическому
вечеру для 8-9 классов)

Вологда
2003

Уважаемые коллеги!

Предлагаем материал о нашем земляке, поэте Викторе Вениаминовиче Коротаяеве.

Вы можете использовать его выборочно в зависимости от темы поэтического вечера или беседы. Его можно рекомендовать и преподавателям литературы для знакомства с творчеством поэта-земляка. Мы не касались прозы и поэм - это тема отдельного разговора.

Стихи используйте по своему выбору, подбирайте другие.

Воспоминания и фотографии взяты из книги «Мы помним прежние года» (Устье Кубенское, 2002).

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появленье приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя -
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос -
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий - дарит глаза,
Свой смех - колокольчик,
Роса - свои слезы,
Прическу - густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

Родился Виктор Коротаяев 8 января 1939 года в городе Вологде.

«Мать - Александра Александровна Хромова. Закончила Вологодское педучилище. В военные годы работала учителем начальных классов в

Сокольском районе. После войны стала работать в Вологде начальником планового отдела Пуговично-гребенной артели. Получив высшее образование в Москве, работала главным инженером швейной фабрики «1 Мая» в Череповце». (В. Коротаева).

«У кого как, а у меня при слове «мать» в памяти всплывают самые удивительные картины. Особенно из области детства... Голодного детства...

Войну мы с матерью перемогали в деревне Липовица бывшего Биряковского района (ныне Сокольского). Все-таки рядом грибные и ягодные леса и болота, рыбная река - а уж они в самое бескормное время что-нибудь подкинут истощенным и отчаявшимся людям.

Основная тяжесть по сенокосу и уходу за животной лежала, конечно, на бабушке Екатерине Вячеславовне. На войне муж и два старших сына, на горбу еще двое малолеток, да и мы с матерью свалились ей на голову - невелики помощники: но она, моя незабвенная, умела как-то всех обрядить, накормить, обшить да и к работенке посильной приспособить. И все-таки не миновали общей доли: ели и картофельную кожуру, и клеверные маковки, и пестики с ранних весенних полей... А в самое беспросветное время - и мох болотный. Принесет Катерина Вячеславовна с болота самого нежного белого мха, что плавал в глухих, чистых и нехоженных зыбунах, высушит хорошенько, а потом в ручных жерновах перемелет. Самые-то проволочные стебли-нити выкинет, а мягкую размолотую ость перемешает с драгоценной картофельной мукой и напечет оладий. То-то вкуснятина!

В то далекое время моя мама учила своего брата Сашу в начальных классах. Школа располагалась в обычной крестьянской избе, в доме была просторная печь, на которой я и просиживал все уроки, наблюдая сверху, как прилежные ученики выводят на черной доске куском извести палочки и закорючки.

«Мать повторяла: «Ты не смотри, что мы бедно живем. Все равно мы тебя вырастим и выучим...». (В. Коротаев, 1996 год).

Первые уроки родной речи... Их преподавала мне не только мама, но и бабушка - мать шестерых детей, а если вспомнить обо мне, то - семерых, потому что в моем воспитании и становлении как литератора она сыграла, наверное, главную роль.

Нежные отношения между нами сложились раз и навсегда, - до самой ее кончины. Уже в зрелом возрасте, будучи в армии, я с большим волнением читал и перечитывал ее письма, в которых она всякий раз посылала мне частушки - по договоренности. Потом, позднее, я напишу о ней много и стихов, и прозы, и даже в пьесу вставлю... А вот начало тогдашнего армейского стихотворения:

С утра сегодня праздник у меня.
Расслышал я задолго до зарядки:
В кармане наступающего дня
Хрустит конверт с каракульками бабки.
Она опять, горюя, начала
С того, что не везет моей фамилии.
«Мы только что сейчас из-за стола.
А хоть тебя-то ныне покормили?
А ты служи. Не залезай в долги,
Не пей вина, о девках не печалься,
Не своеволь, а слушайся начальства
И пуще глаза ноги береги».

Отец с Финской угодил сразу на Отечественную, отвоевал две войны без передыху. Ушел на службу в тридцать девятом, когда я еще сидел у матери на руках, вернулся только через восемь лет, в сорок седьмом, когда я уже самостоятельно шастал по лесам, ловил в силки рябчиков и куропаток, ходил подпаском к овечьему стаду, помогал израненному деду заготавливать в лесу дрова. Это ведь городские дети чуть ли не до двадцати годов - дети, а в деревне, в голоде да холоде, ребяташки взрослеют быстро...». (В. Коротаяев).

«Витя с малолетства приобщился к чтению и спорту. Любил играть в футбол, был вратарем. Катался на коньках, хорошо ходил на лыжах. С юных лет был заядлым рыбаком, полюбил тетеревиную охоту, хаживал подростком на глухаря и лося. Хорошо разбирался в грибах, любил собирать на болоте морошку.

После войны мать увезла сына в Вологду. Виктор учился в школе № 9 Северной железной дороги. Увлечений своих не оставил, по-прежнему много читал, занимался спортом. Любил бокс. По лыжам имел спортивный разряд». (В. Коротаяева).

Кстати, и в институте он не оставил занятий спортом. «Виктор прилично выступал в беге на 100 метров и входил в состав сборной команды факультета по легкой атлетике». (В. Стригин).

Стихи начал писать в школе с 14 - 15 лет. В 1963 году закончил ВГПИ, факультет истории, русского языка и литературы. Публиковался в областных газетах, литературных альманахах, коллективных сборниках и журналах. На четвертом курсе выпустил первую книжку стихов «Экзамен». В 1965 году был принят в члены Союза писателей СССР.

«Сейчас он (сборник) вряд ли выдерживает его собственную критику,

как это нередко бывает с «первенцами». (Далее анализ творчества В. Коротаева дается по книге: Оботуров В. Степень родства. - М., 1977.). Так, подводя итоги в двух книгах 1972 года - «Избранное» и «Славянка», - поэт не включил из первой почти ничего. Но в ней немало привлекательного, и сбросить со счета «Экзамен» нельзя уже потому, что здесь отчетливо определились пристрастия, наметился характер поэта.

... Шел В. Коротаев от фактов жизни, тех, которые были ему близки: последний экзамен, первая рабочая получка, парень попался на воровстве, девчонка в 18 лет по расчету идет замуж за старика...

Выводы, однако, извлекаются самые банальные: «жизнь вся - сложнейший экзамен», «знать, что ты для своего народа нужный и полезный человек» и т.д. Но уже возникают и первые горькие недоумения: «Неужели за дачу целой жизнью платить?!»

В годы учебы произошел легендарный случай, описанный позднее в повести «Золотое донышко». «Трое однокурсников: Владимир Мальгинов, Герман Валяев и Виктор Коротаев - поклялись, что не будут брить бороду до определенного срока (точно не помню). Вскоре предстояло ехать на практику. Нас тогда послали не практиковаться, а по-настоящему работать в отдаленных районах области, потому что во многих школах не было учителей истории, русского языка и литературы (у нас тогда был историко-филологический факультет, который давал три специальности). Так с бородами и поехали все трое в назначенные районы. Виктор Коротаев с Лней Беляевым отправились в одну из самых отдаленных сельских школ. Директору школы не понравилась очень пышная, боярская, как мы тогда говорили, борода Виктора. Ему предложено было ее сбрить. Виктор отказался. Начался конфликт, в результате которого Коротаев был уволен с очень нелепой формулировкой для основания увольнения.

Виктор с большой радостью вернулся в Вологду. В это время он готовил к изданию сборник стихов, и свободное время ему пригодилось. Однажды он встретился со строгим и грозным деканом нашего факультета Олегом Владимировичем Шайтановым. Декан удивился, что студент находится в Вологде в то время, когда он должен быть на практике, и, естественно, потребовал объяснения. Виктор сразу признался ему, что уволен, и показал выписку из приказа. Сначала Олег Владимирович не поверил своим глазам, а когда понял, что это серьезно, долго смеялся и даже не настаивал на продолжении практики.

У этой нашумевшей истории есть еще продолжение. Когда вернулись в Вологду остальные «бородачи» (бороды им, кстати, не помешали закончить практику), они все вместе еще сходили на первомайскую демонстрацию в

таком странном виде. Так и шли рядом в первой колонне факультета. И здесь не обошлось без курьеза: кто-то с трибуны крикнул: «Вива, Куба!» (тогда у нас был в большом почете Фидель Кастро со своими «барбудосами»), что тоже стало предметом насмешек и острот в наших студенческих рядах.

После этого они сфотографировались и сбрили бороды. Так закончилась эта «бородатая» эпопея, хотя Виктор впоследствии бороду носил; таким он и запомнился почитателям его таланта: с пышной черной бородой». (С. Валяева).

«Однажды мы так прорняли его этой бородой, что он взял и сбрил ее, и перед нами предстала личность круглая, сытая до блескучности, с дыркой на подбородке. Ну вылитый буфетчик с дореволюционного вокзала, и мы махнули рукой: «Лучше уж носи бороду». (В. Астафьев).

После выхода первого сборника надо было утвердиться в симпатиях и антипатиях, понять непростоту жизни, которую нельзя заранее спланировать.

Особую роль в творческой судьбе автора сыграла служба в армии.

-«Служил больше двух лет, причем в Заполярье, в подземных пунктах запуска ракет. Тогда не было даже мысли, что тебе за это должны платить. Наоборот, это мы должны были платить Родине, Отечеству. Дезертирство было презираемо всем народом. Вот в такой обстановке мы и строили свой характер». (В. Коротаев, 1996 год).

Мы моем пол и помним о порядке.
Мы помним здесь о нем как никогда.
Дежурный нам вручил тазы и тряпки -
Новейшие орудия труда...

... До дыр истертый,
пол уже лоснится.
Но вот сержант - стараньем знаменит -
Черкает каблуком по половице
И предлагает воду заменить.

Мы набираем светлой и лучистой
И снова с тряпкой лезем под кровать.

... Я, может, здесь
 впервые научился
Перед порогом
 ноги вытирать.

«Курс молодого бойца», «Солдатская шутка», «С утра сегодня праздник у меня», «Последние сапоги» и многие другие стихи всесторонне рисуют быт парней, оторванных от дома, тяготы их жизни, тоску по родным, радости, ожидания и надежды.

Смена настроений и чувств от призыва до демобилизации, смена мыслей от протеста против непривычной дисциплины до осознания воинского долга, - все это особенно занимает Коротаева.

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов.
Докторов,
 врачающих хворобы,
Скрипачей,
 что светло так грустят.
Путь ребят осмыслен и велик...
Но однажды
От смычков и книг
Забирают их военкоматы,
Вот и получают солдаты...

Стихи Коротаева об армии - подлинно солдатские стихи. Своеобразный колорит в них дает не только непосредственное знание быта, жизни молодых солдат, их психологии, но и юмор, крепкий, солоноватый юмор, без которого армейский коллектив не был бы по-настоящему нравственно здоровым.

Конечно, были и другие стихи об армии, которые шли «в стол», потому что никто в то время не осмелился бы их напечатать.

Приводим одно стихотворение:

Любил майор сказать
 красиво...
Его букеты
С давних пор
Изрядно пахли керосином,
Но против не попрешь -

И - государственного смысла
В печальном вздохе
Мужика.

Возмужавший поэт многое понял, благодаря армии.

Легкость, беспечность остались в юности. Приходит сознание ответственности перед жизнью, перед людьми.

Поэт задумывается о судьбах в поэзии того поколения, к которому принадлежит он сам («Выходят сверстники в литературу...»).

Убежденность, стремление к правде - вот что более всего привлекает Коротаяева.

Все чаще и чаще звучат сомнения и жесткая требовательность к себе, уже не юноши, а мужчины. Больше всего на свете боится он «лжи перед собою». Собственная совесть для него - «вечный генеральный прокурор». Отсюда возникает и раздумье о движении времени, о мире, о себе:

Перед лицом бессмертия Вселенной,
Где век пройдет, но вспыхнут зелена,
Мир с наслажденьем повторит основы
С одним лишь упущеньем пустяковым,
Что он забудет повторить
Меня.

В. Коротаяев чутко улавливает особенности своего времени в его острой противоречивости. Отсюда публицистичность его поэзии. Ему удастся избежать риторики в тех случаях, когда он идет от достоверных жизненных фактов. Думается, интереснее всего (по мнению В. Оботурова) это проявилось в стихах о деревне.

Коротаяев сам признается: «Я невольник шумных площадей». Ребята, с городской площади забежавшие в деревню, нарисованы в стихотворении «Однажды». Они ночуют в крестьянском доме, приветливо принятые, а прощаясь, пытаются расплатиться за радушие - рублями, тем самым причиняя хозяйке обиду, и горечь бумерангом возвращается обратно:

И на себя же злость берет,
И душу режет боль сквозная,
Что до сих пор

Мы свой народ
По-настоящему
не знаем.

(Наверное, теперь с этим утверждением кое-кто и не согласится... - Прим. сост.)

Это стихотворение - одно из ранних.

Детские впечатления о деревне ожили и заговорили в душе после полугодовой работы учителем в одном из самых глухих уголков России - в двухстапятидесяти километрах от железной дороги. Приземистая темноватая изба (крытая берестой) с печью да лавками вдоль стен, с соломенными матрасами, самоваром и подслеповатой керосиновой лампой. Малолюдь - старухи в каждом доме да ребятишки, собранные в школу со всей округи километров на тридцать. И леса, леса...

Конечно же, и В. Кортаев не миновал мотивов бегства от города в целительную тишину деревни («Уеду ото всяких сплетен в село на синем берегу, как из бетонного столетья в сосновое перебегу»; «К березке, реке, шалашу, как будто дитя из пожара, я душу свою выношу» и т.д.).

В нем живет неподдельное уважение к мужикам-крестьянам, «уже в мальчишках пахавшим землю и возившим лес», чьи ладони, «как трудовые книжки, где каждая строка имеет вес». Он умеет понять боль людей, покидающих «давно обжитые места», и чувствует свою (или общую, нашу?) задолженность перед мальчишками из далеких деревень, которым «преждевременно достались забытые братками топоры». (Братки - слово, производное от стародеревенского «братко», «братка»).

Остро приглядывается Кортаев к тем, кто наводняет деревни летом. Конечно, он ограничивается только психологическими мотивами, но за ними трудно не признать достоверность очевидного:

Мы удивляемся рассветам
И запахам ядреных слов,
Как будто нас с другой планеты
Сюда случайно занесло.
И, слыша горечь бабьих жалоб,
Что им одним порой невмочь,
Мы ясно чувствуем, что надо б
Селянам как-нибудь помочь.
Но, воротясь в родимый город
И в трудовую колею,

Мы забываем слишком скоро
Про тетку дальнюю свою...

Убедительную в деталях картину деревенской осени рисует Коротаев в стихотворении «Я булыжную осень оставил...». Ему знакомы и неизбежные хлопоты по уборке, и невеселые раздумья; эмоциональный настрой одиночества и бесприютности навеивает деревенская осень поэту. От забот и хлопот разбегаются по городам и отпуски, и собиратели песен - все, - кто же хочет чужую грусть делить!

Кто налево ушел,
Кто направо,
Будто здесь не земля
Никому.
Да и ладно,
Хоть сердце не травят,
Коль помочь
Не умеют ему.

А вот - «На сенокосе» - живая картинка с натуры, массовая сценка с противоречивым развитием настроения от веселого озорства, светлой грусти до сдержанной, затаенной тоски. Она выдает и доподлинное знание быта, и чутье поэта к языку деревни.

С возрастом острее задумывается В. Коротаев о том, что есть совесть, в чем назначение человека. В стихах, посвященных памяти Александра Яшина, звучит не только горечь личной утраты («кому звонить, в кого мне верить и опереться на кого?»), но и больше - стремление «жить достойно прекрасной памяти», которая побуждает поэта серьезно задуматься: «Так ли мы истине служим?..»

Цикл «Поэт» примечателен острою ответственностью, без которой нет настоящего художника. Беспокойством сильны стихи, посвященные памяти Николая Рубцова. Отчетливо стремление поэта к цельности, к единству личности в жизни и творчестве («Приходит позднее прозренье...»).

Натура открывается порывистой - в поступках и побуждениях, в любви и ненависти - во всем, что его волнует». (В. Оботуров).

Виктор Вениаминович постоянно встречался с читателями, много ездил по области, по России. Его с одинаковым удовольствием слушали и взрослые, и подростки.

«Веселый, улыбающийся по-доброму человек, он нравился

школьникам. Слушали его с интересом. Он владел не только искусством слова, но и умением привлечь внимание к своей речи, да так, что в классе или зале стояла необычайная тишина. Будучи человеком скромным, Виктор Вениаминович ни разу не спросил, а нравятся ли слушателям его стихи. Читал даже с чувством стеснения, некой вины перед слушателями. Но когда звучал гром аплодисментов, взгляд его теплел, он благодарил за внимание и читал еще.

Был очень рад и изумлен, когда ребята во время первой встречи подарили ему огромный глобус...»). (В. Королева).

«Я с удовольствием перечитываю стихи Виктора Коротяева, узнавая в строчках его характер, манеру разговора,

своеобразный юмор. А поговорить хочу о стихах, посвященных вечному и прекрасному чувству - Любви. Они не доминируют ни в одном из сборников, если иметь в виду любовь в узком, интимном смысле, но если брать это чувство как всеобъемлющее, то оно почти в каждом стихотворении: идет ли речь о родной земле, о матери или односельчанах. А объяснение дает сам поэт:

Подарок в Заднесельской школе

Просто до тебя, моей любимой,
Я себя России обещал.

Но вернемся все же к тем стихам, где

Тоска по любви,
По чистой любви,
Ты вечно в крови,
Ты вечно в крови...

«Путешествуя» из сборника в сборник, видишь, как меняется отношение автора к любимой, как выявляет он новые черты женского характера, который все равно остается загадкой:

Ты реку напоминаешь чем-то,
Тоже непонятности свои:
Подогрето верхнее течение,
Холодны глубинные слои.

Некоторая несдержанность эмоций в более ранних стихах со временем меняется на глубокое, философское осмысление.

Сравним:

Но стоит сквозь окно на улице
вдали узнать мне твой наряд,
Все зареканья позабудутся
И двери с петель полетят.

И -

Мы горькие знали хлеба.
Прошли мы такую науку...
И все же спасибо, судьба,
За позднее счастье и муку.
Все больше седин у виска,
Все чаще гудит поясница.
И все же... И все же пока
Нам в лунные ночи не спится.

У Виктора Коротаяева чувство любви в душе - не огонек, не свеча, не костер, а «юный чудной василек», поцелуй - не что иное, как «влажное колечко», пламенеющее на щеке. И эти образы помогают понять, насколько бережно и трепетно автор относится к любви. Он ждет ее всю жизнь, стремится к ней, опасаясь разминуться:

И боюсь я, как высшего мщенья,
Что придет она - вот она, тут, -
Как бумага о царском прощенье,
Опоздавшая на пять минут.

И действительно, только в 4 - 5 стихах встречается «люблю». В остальных - или грусть по безвозвратно ушедшей любви, или тревожное ожидание нового чувства.

В более поздних стихах автор прячет сокровенное за скупыми, но емкими строками. Именно в них поэт раскрывается по-новому: рядом стоят

публицист и лирик:

Пока звезда не закатилась,
Что озарила наши дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.
Чтоб, золотые от рожденья,
Улыбкой неба и земли
Над полосую отчужденья
Цветы согласия взошли.

На одной из встреч с читателями Виктору Вениаминовичу был задан вопрос: «Почему Вы мало пишете о любви?» Поэт тогда отшутился, а я теперь могла бы ответить на вопрос вопросом: «А вы внимательно читали его стихи?»

Много переживший, хлебнувший горя и отдававший радости, В. Коротаяев приходит к выводу:

Ведь свое по земле походивший,
Понял я и усвоил навек:
Человек, никого не любивший, -
Это жалкий -
Всегда! -
Человек».

(Н. Шилова).

Коротаяев остается самим собою, о чем бы он ни писал.

Поэт обладал тонким чувством юмора. Приводим стихотворение «Женщины в машине», которое в свое время подвергалось резкой критике. Сейчас мы не видим в его содержании ничего сверхъестественного, но опубликовано-то оно было 30 лет назад, в далеком теперь 1972 году!

Смекнув соломы на подстилку,
К борту прижавшись поплотней,
Достали женщины бутылку
И закудахтали над ней.
Вельми лукавая порода,
Горят бесовские глаза:
«Ой, продавец бутылку продал,
А что с ней делать,

Не сказал!»
Как бы глупы и в самом деле,
Пока припрятав огурец,
И так и сяк ее вертели,
И догадались наконец.
Печатку сдернули - открыли!
И, сделав первые глотки,
Единогласно заключили:
«А мужики не дураки.
Да и для нашего-то брата
Водичка впору: весела!
На вкус, конечно, резковата,
Зато до пяток пробрала».
И зацвели, загомонили,
И завалили дурачка:
«Мужицким пойлом напоили -
Теперь давайте мужичка».
Играли голыми плечами:
«Ах, неглиже так неглиже!
Гляди-ко, только распочали,
А мед-от кончился уже.
А в горле снова стало сухо...»
И, властно топая ногой,
Шумела больше всех толстуха:
«Послать шофера
За другой!»
Соседки тешились не меньше,
Кричали в дверцу:
«Эй, брюнет,
Передовых советских женщин
Ты уважаешь или нет?»
А сам брюнет,
С тяжелым воем
Опять взбираясь на увал,
Мотал хохлатой головою:
«Во пассажиров бог послал!»
Смотрел вослед им сельский житель,
Вечерний свод горел огнем.
И все жалел,

Жалел водитель,
Что сам сегодня
За рулем.

(Можно прочитать другое стихотворение, более «нейтральное»: «Под горой стоит домок...»).

Как и у любого человека, в жизни поэта происходило много курьезных случаев. Конечно, друзья и знакомые могли бы много привести примеров...

Мы же ограничимся одним - воспоминанием однокурсницы Коротаева С. Валяевой.

«Дело было в городе Ош, что на юге Киргизии. Мы зашли пообедать в ресторан, расположенный в парке недалеко от рукотворного озера. По студенческой привычке решили взять первое и второе. Официантка записала заказ и, не дождавшись продолжения, пошла выполнять его. Мы вернули ее и объяснили, что она не записала еще и котлеты. Она очень удивилась и недоверчиво посмотрела на нас. Мы, конечно, сразу не поняли ее сомнений. Все прояснилось, когда она принесла огромную, по нашим представлениям, касу лагмана, жирного, с ароматными приправами, где мяса было больше, чем бульона, и тарелку со злополучными котлетами. Это были котлеты не по-вологодски (маленькие, тощенькие), а огромные две котлеты с подливой и другими азиатскими специями.

Когда мы съели лагман, то окончательно поняли, почему надо было заказывать только одно блюдо. Но чтобы не ударить в грязь лицом перед официанткой, мы с большим трудом одолели и котлеты. Пришлось еще и пива выпить в такую жару! Вот что значит обед по-азиатски! При расчете официантка смотрела на нас насмешливым взглядом.

После такого обильного обеда мы пошли к озеру. Как обычно на южных пляжах, там было много народу. Неподалеку стояла вышка для прыжков в воду, облепленная купающимися на всех ее уровнях. Почему Виктора и Германа (*мужа С. Валяевой*) потянуло на эту вышку, трудно было потом объяснить. Но им захотелось прыгнуть именно с вышки. У Германа прыжок был нормальным: он прыгнул вниз головой, чисто вошел в воду и быстро показался на ее поверхности. У Виктора прыжок не получился: он неудачно плюхнулся животом так, что над озером раздался своеобразный в таких случаях звук, и все дружно ахнули, услышав его. Виктора долго не было на поверхности, и мы уже начали беспокоиться. Наконец он появился и тяжело поплыл к берегу. На берег он не вышел, а выполз и долго лежал с закрытыми глазами. Это же адская боль, да еще с переполненным желудком. Страшно

подумать, что могло бы случиться! Но Виктор мужественно отказался от «Скорой помощи». Мы очень переживали за него, но когда все прошло, на нас напал смех. Надо было слышать эту историю в пересказе самого пострадавшего, чтобы понять, почему мы смеялись в таком в общем-то трагическом случае. Необходимо сказать, что Виктор всегда относился с юмором ко всем жизненным неприятностям, и это помогало ему справляться с самыми трудными ситуациями».

Мы уже говорили, что Коротаяев был заядлым рыбаком.

«В последний раз он приезжал (в Устье Кубенское) в метельный февраль, писал воспоминания о Рубцове, и было большое желание самому наловить рыбы на уху. Пришел он с реки, когда было уже темно. Сразу сказал, что ничего не хочет, кроме ухи, причем из рыбы, которую он сам наловил. В ящике оказались одни ерши, но поскольку он настаивал, весь улов поместили в котелок и поставили на газовую плиту.

Сам он, довольный тем, что отдохнул и наловил рыбы, стал в комнате беседовать с моей мамой. Я достал из холодильника леща и добавил в уху, а когда подавал к столу, аккуратно его убрал.

Виктор Вениаминович с удовольствием ел уху и все время приговаривал: «Ох, добра ушка, добра ушка!»

Секрет приготовления ухи так и остался секретом».

(Ю. Стригин).

Увлекательно, с юмором описывает рыбалку в Устье-Кубинском районе писатель

В поисках налимов на реке Томах

Виктор Астафьев в воспоминаниях о Николае Рубцове. Привести их мы не имеем возможности (из-за большого объема). Можете воспользоваться источником, указанным в библиографии к материалу.

В любой период своей жизни и жизни нашей страны Виктора Коротаяева всегда волновало все, происходящее вокруг. Его оценка тех или иных событий - в его стихах тех лет (до 1997 года).

После распада Советского Союза газета «Водогодский комсомолец»

Вологодская областная
универсальная
и В. Бабюшкина

прекратила свое существование, появилась «Вологодская молодежь», а затем и «Русский огонек», редактором которой стал В. Коротаяев. Кроме того, он сумел организовать книжное издательство. Его видели на улицах - стремительного в движении - все время торопящегося по делам - своим ли, или в хлопотах за кого-то из друзей.

Такой ритм не выдержало сердце поэта. 18 мая 1997 года оно остановилось...

«Это произошло днем 18 мая. Произошло, но сердце отказывается верить в страшную простоту этих слов - умер Виктор КОРОТАЕВ.

Почему так случилось, почему смерть похитила его от нас - энергичного, жизнерадостного, полного творческих и издательских планов, этого мы не можем знать.

Сколько он сделал добра, скольким людям помог словом, а чаще делом, скольким поэтам проторил дорогу в поэзию, правил их рукописи, учил слышать слово, рекомендовал к изданию в журналах и издательствах...». (Из некролога).

В фойе театра было очень тихо.
Слеза скользнула по моей щеке.
Нам не промчатся с ним теперь уж лихо
По так знакомой реченьке-реке.

Судьба распорядилась очень строго.
Мы неподвластны что-то изменить.
И кланяемся низко. Нас так много.
И что же делать? Надо жить и жить.

Над белым мрамором промчится ветер,
И память пронесет меня через года.
Не возвратит нам памятный тот вечер,
И вновь скользнет нечаянно слеза.

В. Стригин

Похоронен В. Коротаяев в г. Вологде. А в деревне Липовице, которую многие ошибочно считают местом его рождения, 18 мая 2001 года в день памяти поэта был установлен мемориальный камень со словами: «Поэту земли Вологодской Виктору Коротаяеву».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коротаев В. Жребий. - М., 1969.
2. Коротаев В. Караульная сопка. - М., 1984.
3. Коротаев В. «Любил майор сказать красиво...»: Стих. // Вологодский комсомолец. - 1983. - 1 января. - С. 4.
4. Коротаев В. Мальчишки из далеких деревень. - М., 1969.
5. Коротаев В. Перекаты. - Архангельск, 1980.
6. Коротаев В. Пока звезда не закатилась. - М., 1982.
7. Коротаев В. Славянка. - М., 1972.

* * *

- Мы помним прежние года...: Воспоминания о Викторе Коротаеве. - Устье Кубенское, 2002.
- Оботуров В. И вечно - поиск... // Оботуров В. Степень родства. - М., 1977. - С. 173 - 189.

О стихах Бориса Чулкова и Виктора Коротаева.

* * *

- Коротаева В. Псевдонима не имел // Красный Север. - 2002. - 15 мая. - С. 7.
- Астафьев В. Погибшие строки // Глагол. - 2000. - 13 июня. - С. 1 - 16.
- Шилова Н. Любить по-коротаевски // Красный Север. Зеркало. - 1999. - 20 октября. - С. 9.
- Памяти Виктора Коротаева: Некролог // Красный Север. - 1997. - 20 мая. - С. 1.
- Коротаев В. «Годы прожиты не зря...» // Красный Север. Зеркало. - 1996. - 20 июня. - С. 11.
- Коротаев В. Есть что вспомнить // Русский огонек. - 1994. - 24 июня. - С. 3.